

Москва ставит перед собой вопрос после двух лет войны

Алексей Навальный считал, что парламентская республика должна стать лекарством от президентского режима, который, по его мнению, проложил путь к авторитарному дрейфу Владимира Путина. Убийство остаётся убийством, но мы не знаем, в какой степени Навальный, если бы он получил право управлять страной, отличался бы от своего палача, учитывая его корни в русских националистических правых и его расистское и ксенофобское отношение к мусульманам и иммигрантам.

Что касается войны, то число жертв в ней, безусловно, превысило сто тысяч, а возможно, и сто пятьдесят тысяч человек, на обоих фронтах растёт число уклонистов от призыва и дезертиров, а молот репрессий бьёт по противникам как в России, так и на Украине. Интернационалистское единство российского и украинского пролетариата остаётся единственным выходом.

Сожаления и надежды

Война на Украине длится уже два года. В своих комментариях Кремль демонстрирует спокойствие и уверенность относительно хода военных действий: *«Будем достигать целей специальной военной операции последовательно и настойчиво. Мы их достигнем»*, – заявил министр иностранных дел Сергей Лавров на ежегодной конференции по итогам работы российской дипломатии (18 января).

Действительно, на данный момент ход событий, похоже, меняется в пользу России, но остаётся по меньшей мере сомнительным то, что война была запланирована столь продолжительной.

В любом случае, это не главная проблема, стоящая перед Москвой. Как мы уже неоднократно отмечали, угроза носит стратегический характер: разрыв длившихся десятилетиями отношений с Европой, восстановление которых не предвидится.

Именно на этом настаивают некоторые комментарии российских аналитиков, сочетающие в себе в разных градациях как минимум три “чувства”: сожаление об упущенных с разрывом возможностях, как с экономической стороны, так и с более общей стратегической позиции; приспособление к фактам, где тонка граница неохотного согласия, ради спокойной жизни; надежда на возобновление отношений в будущем, с оглядкой на то, что, возможно, сроки превзойдут лично ожидаемую продолжительность жизни.

Сергей Лавров подводит черту

В ноябре Лавров выступил на Международном форуме “Примаковские чтения” – ежегодном мероприятии, посвящённом памяти деятеля внешней политики в период последних десятилетий СССР и первых десятилетий России. В своём выступлении министр попытался сформулировать отношения с Европой и Западом в целом, начав с того, что *«[мы] не хотим закрывать дверь или окно, или форточку (Президент России В. В. Путин недавно касался этой темы) для трезвомыслящих игроков на “историческом Западе” по мере осознания ими реалий и вызовов объективных процессов многополярности (которые предвидел ещё Е. М. Примаков)»*. Как бы то ни было, *«на данном этапе нам не надо думать о том, как восстановить отношения с Европой»*, лучше держаться подальше от «вывертов» политики Старого континента, всё больше подверженного американскому влиянию.

И всё же, европейцы *«репутацию сильно подорвали»*, но, *«может быть ещё не окончательно»*. Лавров обращается к прошлому опыту, вспоминая отношения, начавшиеся во времена СССР: и тогда США пытались блокировать сотрудничество, и здесь вспоминаются попытки американцев помешать строительству сибирского газопровода в 1980-х годах; но они не смогли одержать верх, и эти отношения стали *«основой благополучия Европы»*. Теперь это уже не так.

Надо сказать, что Кремль пережёвывает обвинения в недостаточной автономии Европы ещё и для того, чтобы скрыть своё разочарование поведением, которое не соответствует ожиданиям Москвы: принятие факта, свершившегося в 2022 году, как это произошло с Крымом в 2014 году.

Воссоединение с Европой?

Тимофей Бордачёв, программный директор Международного дискуссионного клуба “Валдай”, добавляет некоторые нюансы: он призывает не недооценивать Европу, считая её лишь младшим партнёром Америки. В статье от 23 октября 2023 года он отмечает, что дискуссия о многополярности развернулась именно в Европе, *«лидеры которой до конца 2000-х годов рассчитывали закрепить своё объединение в числе равных по силам США, Китаю или России участников международной жизни»*. Но с 2010-х годов позиции Европы стали ослабевать.

Бордачёв подхватывает эту тему 11 декабря, напоминая, что последней попыткой придать себе самостоятельный внешнеполитический потенциал была франко-германская позиция против американской войны в Ираке в 2003 году, которая, однако, не получила продолжения. Сегодня *«сам украинский кризис стал в определённой мере результатом того, что континентальная Европа потеряла всякую способность к стратегической самостоятельности»*.

Однако, несмотря на это, *«в отличие от Британии»*, континентальная Европа *«слишком велика и разнообразна для того, чтобы оказаться полностью поглощённой американским влиянием»*: крупнейшие европейские государства хотя бы частично способны отстаивать свои собственные внешнеполитические интересы. Вывод рассуждений – Европа, превратившаяся *«в арену конкуренции между другими державами»*, – намекает на возможность сближения, пусть и отложенного на необозримое будущее.

Андрей Сушенцов, директор Института международных исследований МГИМО МИД РФ, излагает другой сценарий, хотя и *«всё ещё маловероятный»*: война на Украине может привести к *«новой милитаризации Германии и Франции»*, возвращению *«Европы к силовой политике, что может повлечь за собой реальную стратегическую автономию Европы от США»* (“Валдай”, 2 января). Препятствием к такому исходу аналитик видит политику Великобритании, которая всегда выступала против франко-германского союза, а также опасения, которые может вызвать перевооружение Германии в Польше и самой Франции. Фактом, однако, является то, что от линии на большую самостоятельность европейского империализма в Москве не отказываются окончательно. А вместе с ней и от возможности восстановления отношений.

Ревизионистские силы

Однако на данный момент в центре внимания находится Восток: *«Задача стоит ясная – избавиться от какой-либо необходимости зависеть от производственно-бытовых, финансовых, банковских и логистических цепочек, которые так или иначе контролируются или находятся под большим влиянием западных коллег»*, – заявил Лавров на январской конференции.

Андрей Кортунов из Российского совета по международным делам (РСМД), похоже, тоже смирился с тем, что трёхвековая парадигма российской внешней политики, основанная на *«явном или неявном европоцентризме»*, больше не стоит на повестке дня. Однако он оставляет открытым окно, поскольку даже в случае *«стратегической расстыковки»* между Москвой и Брюсселем *«Россия и Европейский союз были, остаются и в обозримой перспективе останутся соседями на общем для них европейском континенте»* (РСМД, 17 января).

Однако сегодня именно Азия, начиная с Китая, но не только, рассматривается как рычаг для трансформации глобального порядка, во главе с тем, что в Москве называют “мировым большинством”, или “не-Западом”.

Однако у некоторых комментаторов закрадывается сомнение, что этот огромный мир не выразит общей воли к разрушению порядка и поэтому не может считаться надёжным союзником России, которая бросила военный вызов державам старого порядка. Никто иной как Сергей Караганов, один из самых явных сторонников поворота на Восток, предупреждает, что *«мировое большинство совершенно не собирается вести борьбу с Западом»*, *«это соратники, но не союзники»* (“Российская газета”, 27 декабря).

Тезис развивает Бордачёв (“Валдай”, 5 декабря): *«Сейчас в мире невозможно найти крупное или среднее государство, которое ставило бы своей целью полное разрушение мирового порядка, возникшего после Второй мировой войны»*. По его мнению, преобладает *«ревизионизм»*: даже те, кто не вполне удовлетворён существующим порядком, стремятся не

к революции, а к его модификации, чтобы добиться большей роли. Не в последнюю очередь потому, отмечает тот же автор в последующей статье от 5 января, что новые силы выросли именно благодаря глобализации, гарантированной старым порядком. Вывод, который также звучит как предупреждение Кремлю, заключается в том, что *стремительных и драматичных* изменений не будет, поскольку ревизионизм не предполагает резких движений: однако даже в этом случае избежать *«потерь было бы исключительно сложно»*. Каким бы ни был путь, новый порядок потребует крови.

Возвращение больших армий

Разговоры о войне в Москве, как и во всём мире, выходят за рамки новостей. Опыт Украины, если угодно, стимулирует размышления более общего характера. Так, например, произошло с Докладом Международного дискуссионного клуба “Валдай” за октябрь прошлого года, подготовленным Андреем Сушенцовым и Василием Кашиным из Высшей школы экономики. Название: “Война в новую эпоху: почему возвращаются большие армии”. Не обошлось и без конъюнктурного размышления об *ошибках*, допущенных в начале вторжения на Украину, когда предполагалось, что война будет ограниченной и короткой.

Вместо этого долгосрочный вывод состоит в том, что “большая война” снова на повестке дня, вместе со всем тем, что она требует: мощная промышленная база, более крупные армии, мобилизация населения, *«как и сохранение и расширение практики призыва граждан на службу»*. Параллель с продолжающимися в Европе дебатами о том, следует ли вновь ввести обязательную воинскую повинность, напрашивается сама собой.

Время войн

Это знак грядущих времён. Иван Тимофеев, генеральный директор РСМД, рассказывает о перспективах, которые он видит на горизонте российской и мировой политики.

«Из режима кризиса российская политика перешла в режим новой нормальности». Три фактора обозначают эту новую нормальность, к которой придётся привыкать: *«отсутствие видимых предпосылок для компромиссов»* на Украине, переход войны к борьбе *«на истощение»* и, наконец, адаптация к санкциям. Но нет недостатка в вопросах: *«Как долго продлится новая нормальность? Какие новые развилки нас ожидают в будущем? Как именно их пройдёт Россия?»* (РСМД, 27 декабря).

Здесь можно соотнести с более общими размышлениями Тимофеева: что ждёт нас в ближайшем будущем? Новая архитектура мирового порядка предполагает потрясения и конфликты: но какого рода? Альтернатива – *«череда локальных конфликтов или это будет какой-то большой конфликт»*. Кроме того, добавляет он, когда происходят изменения мирового порядка, *«ожидать можно чего угодно»* (РСМД, 10 января).

Это не новая альтернатива для нашего анализа. С одним основным различием: они смотрят на *кризис и слом порядка* как на возможность утвердить возросшую роль своего империализма, а мы видим в этом возможность для утверждения интернационалистской политики против всех империализмов.

Февраль 2024 г.